

Ткачиха теней

Автор:

Марси Кейт Коннолли

Ткачиха теней

Марси Кейт Коннолли

Ткачиха теней #1

Эммелину считают ненормальной, ведь девочка обладает необычными магическими способностями. Она – ткачиха теней. С самого детства Эммелина играет, разговаривает и проводит всё свободное время с тенями. Но родители девочки уверены: это опасно! Когда в поместье появляется таинственный незнакомец, который обещает избавить Эммелину от магических способностей, ей остаётся одно – бежать. Главное, что с ней единственный друг, на помощь которого можно надеяться, – Дара, её собственная тень. Но может ли Эммелина ей доверять?

Марси Кейт Коннолли

Ткачиха теней

MarcyKate Connolly

Shadow Weaver

Copyright © 2018 by MarcyKate Connolly

© Смирнова Д. О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Моему ребёнку

Я так хочу делить с тобой всё новые и новые миры!

Глава первая

Впервые моя тень заговорила со мной, когда я была ещё крохой в колыбели. Говорят, что в ночь моего рождения даже звёзды сбежали с неба, и луна спряталась под чёрным плащом. Что я была тихоней с копной чёрных волос и блестящими, точно оникс, глазами. Я не кричала, как другие новорождённые, и не тянулась к маме, хотя обычно так велит инстинкт.

Вместо этого я вытянула свои крохотные ручки и улыбнулась тени в углу комнаты.

И она улыбнулась в ответ.

Люблю такие дни: ненастные. Дождь яростно барабанит по дому, и тени дрожат меж деревьев за моим окном. Всё вокруг погружено в нежные оттенки темноты.

Дара – моя тень – здесь, рядом со мной, нервничает, ходит из одного угла в другой.

– Кендра опаздывает, – говорит она. – Нам лучше поиграть на улице, а не ждать её здесь. Разве ты не слышишь, как тени зовут нас?

Звучит искушающе, но сегодня я намерена дождаться Кендру. Ей тринадцать лет, она на год старше меня, а её мама горничная. Когда-то мы играли вместе, но с тех пор, как пару месяцев назад она начала работать в нашем особняке, я её почти не вижу. Мама позволяла мне играть с Кендрой ровно до того момента, как та стала служанкой; теперь мама говорит, что водиться с прислугой неприлично.

Но за исключением Дары, у меня никогда не было друзей, и я скучаю по Кендре. Комета Серилия подарила мне магическое благословение – с рождения я владею магией теней и, когда была маленькой, развлекала себя тем, что делала игрушки из теней и играла с той, что привязана к моим ногам. Дара – единственная тень, которую я могу назвать другом. Для большинства людей тени – это такие штуки, которые всегда прикреплены к стенам и полу, но для меня они становятся такими, какими я пожелаю: вязкими, точно глина, или почти неуловимыми, как дым. Я могу лепить из них всё, что захочу. Теперь, когда я стала старше, моё мастерство возросло. На низеньком столике передо мной лежат всевозможные тени, которые я собрала по углам особняка. Тёмный чайник дымится рядом с тремя чашками и блюдами. На дымном подносе лежат настоящие пирожные – тени на вкус не очень – и три резных стула дожидаются Кендры, чтобы мы могли посидеть все втроем.

Мама не знает, что сегодня я пригласила Кендру на чай. Есть и другие игры, в которые я бы с радостью поиграла с Дарой и другими тенями, но Кендре они не очень нравятся. Поэтому сегодня у нас чай.

Дара на несколько секунд присаживается у моих ног, и тут до нас доносится звук из коридора. Во мне затеплилась надежда, но это просто кто-то из слуг прошёл мимо. Я опускаюсь обратно в кресло, меня охватывает разочарование. Кендра опаздывает уже почти на полчаса. Я знаю, что у неё есть обязанности, но она могла бы заглянуть на минутку или хотя бы прислать записку.

– Возможно, твоя мама отослала её, – предполагает Дара. – Она не хочет, чтобы ты продолжала играть со слугами.

– Наверное, ты права, – хмурюсь я. Моей маме не составляет труда заваливать слуг поручениями. И она изо всех сил старается оградить меня от всех. Я сажусь прямее. – Давай принесём Кендре подарок. Будет забавно проскользнуть на служебную половину после обеда.

Дара складывается в улыбку на полу:

– Значит ли это, что теперь мы можем пойти на улицу?

Я смеюсь, несмотря на давящую на меня странную тяжесть. Гроза уже почти прошла, а солнце скрывается за горизонтом. Даже сейчас крошечные искорки света мерцают меж теней на нашей лужайке.

Я беру с полки банку, и мы с Дарой быстро бежим на улицу, пока мама не отчитала меня за то, что играю в сырую погоду. Темнота вокруг нас сгущается, длиннопалые тени деревьев приветственно тянутся к нам. Мои ноги двигаются, и я бреду меж поросших мхом стволов, пока Дара напевает песенку. Мы танцуем с ней в сумеречных манящих тенях, а в банке пляшут тени. К тому времени, когда банка заполнена, я задыхаюсь от смеха, но этого недостаточно, чтобы заполнить скребущуюся пустоту, разверзшуюся, когда Кендра не пришла сегодня днем.

– Эммелина! – при звуках голоса матери я замираю на месте.

– Нам лучше поторопиться, иначе мы опоздаем к обеду. – Я закручиваю крышку банки. Дара вздыхает, но идёт за мной, её тело кренится к деревьям: видимо, она бы с радостью осталась снаружи. Когда я закрываю за собой дверь, она снова оказывается рядом со мной. Пусть мама разлучает меня с Кендрой – я всё равно никогда не останусь одна: Дара всегда составит мне компанию.

В банке тени кружатся вокруг крошечных порхающих световых точек. Кендре всегда нравились милые вещи, а эти тени такие замечательные, я уверена, ей они тоже понравятся. Надеюсь, мама не слишком её загрузила. Я кладу банку в потайной карман юбки.

– Эммелина! – снова зовёт мама.

– Иду! – кричу я в ответ и бегу в столовую.

После ужина мы с Дарой делаем вид, что идём в мою комнату; позже, пока мама и папа не видят, я укрываюсь тенями, и мы проникаем на служебную половину. Кендра с родителями живут в одной комнате, и я, когда была помладше, раз или два приходила к ней в гости. Наверное, она устала после тяжёлого дня и совсем забыла про нашу встречу.

Но когда мы с Дарой, подойдя к её двери, собираемся постучать, я слышу голоса. Моя рука замирает в нескольких дюймах от деревянных плашек. Это одна из старших девочек, и они с Кендрой смеются. Электрическая волна ревности пронзает меня. Со мной Кендра никогда так не смеялась.

– Эммелина пригласила тебя поиграть в чаепитие? Притом что ей уже двенадцать лет?

Я вздрагиваю. Я не виновата, что мы играем только так. Кендра не хочет играть с тенями ни в какие другие игры.

Кендра стонет за дверью, и я буквально вижу, как её светлые волосы разлётываются по плечам.

– Она сумасшедшая! Ткачи теней могут делать всякие штуки из теней – хотя и это уже достаточно странно, – но они не должны при этом слышать их и разговаривать с ними. Ни у кого из тех, кого благословила комета, нет больше одного дара – это всем известно. Но она искренне верит, что её тень – живое существо. Она даже разговаривает с ней и притворяется, будто та отвечает. Она ненормальная!

Жар охватывает всё моё тело. Одной рукой я опираюсь о дверной косяк. Их звенящий смех будто режет стеклом мои барабанные перепонки. Дара рычит.

Может, я и единственная, кто слышит Дару, но это не значит, что я сумасшедшая.

– Не стоит тратить на неё время, Эммелина. У неё жестокое сердце. Она играла с тобой и притворялась милой, а на самом деле считает тебя ненормальной! – возмущается Дара. Для них она просто тень, приклеенная к полу и стенам, но для меня она значит намного больше. – Мы прекрасно обойдёмся без неё.

Вторая девочка снова подаёт голос:

– Ну и хорошо, что ты не пошла. Сама знаешь, что говорят про тот случай с соседской девочкой Розой.

Смех Кендры обрывается:

– Учитывая её ненормальность, Эммелина вполне может быть опасной.

Моё сердце падает до самой земли. Я кручу в руках банку с тенями, мои ладони внезапно становятся липкими, и светлячки мигают. Свет и тьма изумительно играют друг с другом, но теперь я понимаю, что Кендра никогда бы не оценила такой подарок.

Она ни разу ни единым словом не выдала своих чувств, когда мы втроём играли с моими теневыми куклами и пили чай из дымных чайников. Она только делала вид, что ей нравится эта игра. Она вообще никогда не была моим другом.

– Ты права, Дара.

Я поднимаюсь по лестнице обратно в свою комнату, и жар начинает испаряться, а на его месте остается только холод.

Позже тем вечером, пока Дара в комнате успокаивает меня, проводя прохладными пальцами по моим волосам и стирая слёзы с моих щёк, огоньки светлячков гаснут. Я сворачиваюсь калачиком на кровати и отправляю вихрящиеся тени обратно в лес с обещанием, что с этих пор я буду делить их лишь с теми, кто на самом деле способен их оценить.

Глава вторая

Пока мы прячемся за лестницей, которой всегда пользуются слуги, Дара гудит от восторга. Здесь темнее и больше пыли, чем на лестницах в главной части особняка – вот почему моя тень посоветовала пойти сюда. Мы всегда охотимся за новыми играми, чтобы развлечься, и сегодняшний день не исключение.

Сейчас Кендра может появиться в любую минуту. С тех пор как я узнала, какая она на самом деле, её для меня больше не существует. Но сегодня мы ей покажем. Дара настоящая.

Иногда я слышу, как другие слуги шепчутся обо мне, когда не подозревают, что я прячусь поблизости, скрываясь за паутиной теней, – единственный способ подобраться к ним и узнать их получше. Дара уверяет меня, что они завидуют. Обычные люди не владеют магией, как я. Раз в двадцать пять лет горстка людей получает благословенные дары, которые пролетающая по небу комета Серилия ниспосылает на наши земли. В прошлом людей вроде меня почитали за их таланты, но со временем лишённые магии озлобились на нас. Особенно на тех, чей дар не связан напрямую с чем-то практическим, вроде ускорения роста растений или управления водой.

Я думала, что Кендра не такая. Она была одной из немногих в этом доме, с кем я могла поговорить, кто, как я думала, захотел узнать меня получше. Но я ошиблась. Она ничем не отличается от других.

Сейчас полдень, на этой лестнице только одно маленькое окошко, и я заранее задула свечи. Тьма придаёт мне храбрости, а Дара возвышается рядом со мной, пока старинные часы в коридоре отсчитывают минуты. Моя тень связана со мной, но она может двигаться и вытягиваться лучше любого человека.

Вскоре мы слышим шлёпанье поношенных туфель Кендры, которые ей к тому же велики, она идёт в прачечную с корзиной. Дара расширяется в ожидании, когда её выпустят. Я, затаив дыхание, прячусь за углом.

Кендра проходит мимо, не взглянув в нашу сторону. Переполненную корзину она держит в руках перед собой, поэтому вряд ли что-то видит из-за неё. Дара выпрыгивает вперёд, в последнюю секунду превратившись в огромного монстра – сплошь чёрные зубы и алчная пасть. Кендра кричит и отскакивает назад, корзина выскальзывает у неё из рук и падает на пол, треснув пополам. Кендра неловко подворачивает ногу и падает на колени, ругаясь вполголоса.

Дара фыркает от смеха, быстро возвращается ко мне, но мой собственный смех замирает в горле, когда я вижу перекошенное от злости лицо Кендры. Оказывается, всё это вовсе не так смешно, как я думала поначалу.

- Обязательно было принимать облик монстра? - шепчу я, нахмурившись. Мы планировали, что Дара изобразит тень моей мамы. Её появление в отсутствие мамы само по себе было бы достаточно пугающим.

- Но это мой любимый облик, - говорит Дара.

- В следующий раз никаких монстров. Придерживайся плана, - шепчу я.

Дара вздыхает:

- Ладно, обещаю.

Дрожащими руками Кендра собирает разбросанную одежду в стопку. Я выхожу из теней, где до этого пряталась.

- Нужна помощь? - спрашиваю я, теребя рукава.

При виде меня Кендра отшатывается, но теперь одна нога плохо её слушается. Она облакачивается на стену и скулит.

- Мерзкие у тебя шутки, Эммелина, - говорит она. - И ты такая же.

Моё лицо белеет, и я отворачиваюсь от её неприязненного взгляда.

- Пойдём, - шепчу я Даре. Сейчас она так раздулась, что стала в два раза больше своего обычного размера. Она любит играть.

- Но мы пропустим самое интересное, - возражает она. Дара любит смаковать свои проделки и наблюдать за последствиями наших игр, но сегодня я не в настроении.

Меня наполняет тяжесть. Я качаю головой и убегаю в сторону нашего коридора. У Дары нет выбора, кроме как последовать за мной. Никто из слуг не останавливает меня на бегу; они опускают глаза и отходят в сторону, пропуская меня.

Я смутно припоминаю то время, когда слуги смотрели мне в глаза. Когда мама и папа не отгораживались от меня, как сейчас. Но это было до того случая. Долгое время я почти не думала о нём, но недавно, после того как я подслушала разговор Кендры и другой служанки, он снова всплыл в моей памяти.

Мне было всего шесть лет, я играла в прятки в лесу в нашем поместье с соседской девочкой, Розой, которая была одного со мной возраста. Я помню только, что заснула там, где пряталась. Дара заверила меня, что приглядит за девочкой и не позволит ей найти меня, что уведёт Розу подальше, глубоко в лес. Когда я проснулась, уже наступила ночь и по лесу рассыпались люди, вышедшие на наши поиски. Я благополучно вернулась домой – в отличие от Розы.

Я плакала целыми днями, клялась родителям, что Дара собиралась только увести Розу подальше от того места, где я пряталась. Но она, должно быть, забрела слишком далеко.

Позже я услышала, как родители обсуждали это: с наступлением сумерек Роза зашла очень далеко в лес и каким-то образом упала в пруд – за много миль от того места, где я видела её в последний раз. Её мать была вне себя от горя и уехала из наших краёв. С тех пор мои родители никогда не относились ко мне, как раньше. Примерно в то же время они стали говорить мне, чтобы я перестала всем подряд рассказывать про Дару, будто она настоящая.

Тогда и началось моё затворничество.

Стоит только мне закрыть дверь к себе в комнату, как раздаётся резкий стук.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Эммелина, открой дверь, – отвечает мама. Сердце у меня уходит в пятки. Она уже знает, что мы сыграли шутку с Кендрой?

Я открываю дверь, и мама заходит внутрь, юбки развеваются и задевают стопку теневых зверей, которых я запихнула на нижнюю полку стоящего у двери книжного шкафа. Тень в форме щенка цепляется за подол маминого платья и волочится за ним, пока мама идёт к креслу. Она даже не замечает этого. Я поднимаю тень с пола и позволяю ей танцевать и прохаживаться по моей ладони.

– Ну и что нам с тобой делать? – спрашивает мама, с отвращением глядя на крошечное теневое существо у меня в руке.

Я хмурюсь и сажусь на край своей кровати с белым пологом – именно таким, какой предпочитает мама, – Дара лужицей растекается у моих ног. Она дуется. У нас неприятности.

– Ты о чём?

Если мама ещё не знает о нашей шутке, то я вовсе не хочу просвещать её.

Но она смотрит на меня тем самым взглядом: он означает, что она всё знает, и знает, почему я только что задала вопрос. Я пожимаю плечами.

– Ты не имеешь права так обращаться со слугами, Эммелина. Они не твои игрушки.

Мои внутренности сводит. О нет! Она действительно знает.

– Кендра наверняка ей пожаловалась, – бурчит Дара. Не сомневаюсь, что так оно и есть.

– Я не знаю, что тебе сказала Кендра, но она меня не любит. Мы просто немного повеселились.

Мама скрещивает руки на груди:

– Из-за твоего веселья Кендра вывихнула лодыжку. Твои шуточки с тенями совсем не смешные.

Мои плечи поникли. Мы вовсе не хотели, чтобы Кендра пострадала.

– Теперь у нас на этой неделе на одного слугу меньше, – продолжает мама. – А мы ожидаем гостей.

– Правда? Кого?

Я наостряю уши. Гости – редкость в нашем доме. Мама и папа по возможности стараются сделать так, чтобы никто не знал о моём даре. А если придут гости, это значит, что я смогу хотя бы немножко пообщаться с кем-то новым.

– Из Циннии приезжает делегация, чтобы обсудить возможность договора с соседней провинцией Аббачо. Они пытаются заручиться поддержкой аристократии, чтобы объединить нас всех под один свод законов. – Глаза мамы сужаются. – Это важно. Пока они здесь – никаких происшествий. Пожалуйста, не опозорь нас. Никаких шуточек и ни слова о твоей тени.

Её слова режут, мои щеки алеют, как будто меня ударили. Я гляжу на свои руки и мну подол юбки. Опозорить их? Вокруг так мало людей с магическими способностями, можно было бы ожидать, что родители захотят мной похвастаться. Но они не понимают, как прекрасны тени, как великолепна тьма, не видят их так, как я.

Только Дара понимает меня.

Она сжимает мою лодыжку, как будто читает мои мысли.

– Ты не сумасшедшая, и ты не недоразумение; ты драгоценность. Когда-нибудь мы им это докажем.

Я делаю глубокий вдох:

– Я буду стараться изо всех сил, мама. Обещаю.

Глава третья

Сегодня тени кажутся тоньше, чем обычно. Возможно, они стесняются и прячутся от делегации, которая должна прибыть днём. Последний раз гости были у нас несколько лет назад, когда мы решили, что будет забавно вымостить тенями пол в гостевом крыле. Но вредная дочь гостей с этим не согласилась.

Она совсем не хотела со мной играть и воротила нос при виде моих теневых зверей. Когда я попыталась рассказать ей о Даре, она рассмеялась и сказала, что я уже не в том возрасте, чтобы заводить воображаемых друзей. Ночью она споткнулась на скрытой теневыми узорами лестнице и сломала руку. На следующее утро вся её семья собрала вещи и уехала. А я ведь только хотела украсить гостевое крыло, я не хотела её обижать, но мама с папой были в ярости.

Надеюсь, новые гости будут приятнее. Я должна изо всех сил постараться выполнить обещание, данное маме, и ни словом не обмолвиться о тенях. А если эти гости всё-таки окажутся неприятными, то я буду как можно больше времени проводить в своей комнате. Кому они нужны, когда у меня есть Дара и приятная темнота на кончиках пальцев!

– Нам давным-давно не приходилось подслушивать незнакомцев, – Дара мурчит мне на ухо, когда мы идём по коридору к кухне. – Мне уже скучно слушать твоих родителей и слуг. Когда придут эти новенькие, нужно будет их подслушать, чтобы узнать, какие они на самом деле.

Я улыбаюсь:

– Мне нравится эта идея.

Дара знает, что подслушивание давно стало моей любимой игрой. Когда я слушаю разговоры других, я представляю, будто заливаюсь смехом вместе с ними, а не прячусь в тени поблизости.

Когда мы поворачиваем за угол, я замираю на месте. Передо мной стоит странная маленькая девочка с тонкими растрёпанными волосами, колышавшимися вокруг её лица словно живые. Она дёргает головой и хмурится, глядя на меня. На ней блёклое жёлтое платье с грязным подолом и рукавами. У неё непонятные глаза: большие и немигающие, как будто она всё видит, но не

всё воспринимает.

Дара клубится у меня над плечом:

- Она странная.

- Как думаешь, она потерялась? - шепчу я в ответ. - Гости уже прибыли?

Девочка внезапно расплывается в улыбке и хлопает в ладоши.

- Я тебя знаю, - произносит она нараспев. - Ты больше не сверкаешь и не сияешь. - После чего замолкает и снова смотрит перед собой.

Ощущение - словно ледяная рука касается меня изнутри. Как будто девочка смотрит сквозь меня. Я дрожу и зову своих теней поближе. Вскоре меня окружает спасительная темнота, и я больше не чувствую взгляда девочки. Она, похоже, и не заметила, что я спряталась. Но когда мы с Дарой выскользываем из коридора, маленькая девочка снова начинает напевать:

- Я тебя знаю, я тебя знаю.

Я не могу так быстро скрыться от неё, чтобы не слышать этого.

Когда мы добираемся до кухни, выясняется, что я была права: гости прибыли рано, а значит, мы не успеем немного повеселиться в особняке. Дара расстроена, а я нет. Сегодня облачно, замечательная погода для своенравных теней в лесах на наших землях. Стащив кусок яблочного пирога у повара, который на меня едва взглянул, я выхожу из дома. Когда-то, уже после того случая с Розой, мама и папа запретили мне ходить одной в лес, но потом махнули рукой. Тени зывают ко мне; я ничего не могу поделать.

Я перехожу на бег, Дара стелется за мной точно тёмный плащ, и мы несёмся в лес, оставив позади все тревоги по поводу неодобрительных взглядов родителей. Деревья никогда меня не осудят. Я останавливаюсь, только когда оказываюсь настолько далеко, что из окон особняка меня уже никто не увидит. Я смеюсь и вскидываю руки к небу. Воздух на вкус как дождь, и ветер скользит

меж ветвей, отчего деревья начинают танцевать. Сегодня прекрасный день.

На мой зов дрожащие тени сползают со своих мест между деревьями, и я преображаю их с помощью своей магии. Они образуют квадрат, который медленно перетекает в вытянутый пятигранник. Потом я добавляю с краю хвост. Я создаю теневую верёвку и хватаюсь за неё, после чего мы направляемся в поле на краю владений моих родителей. Ветер швыряет моего теневого змея из стороны в сторону, а мы с Дарой гоняемся друг за другом по дороге на холм и вниз.

Мы останавливаемся на нашем любимом месте на вершине холма – за спиной тёмный лес, а впереди поля, протянувшиеся на целые мили, – и ложимся смотреть, как грозовые облака сгущаются над нашими головами. По моей команде тени под тучами корчат смешные рожицы и принимают странные формы. Но я не смеюсь, как обычно в такие дни. Одно вихрящееся волнистое облако напоминает мне волосы маленькой девочки. Она преследует меня в мыслях.

– Не волнуйся, – говорит Дара. – Она ничто.

– Это меня и беспокоит, – отвечаю я. – Она казалась такой... пустой. Такой... отрешённой.

Эта встреча расстроила меня куда сильнее, чем хочется признавать. Но я доверяю Даре. Она умеет читать людей так, как мне никогда не научиться. Она мой лучший друг.

Облака клубятся над нашими головами, и капли дождя шлёпаются мне на лицо. Я выпускаю стон:

– Наверное, нам пора идти. Мама с папой будут в ярости, если узнают, что я пришла в дом промокшая, когда у нас гости. Такие важные.

– Они не знают, что теряют, – отвечает Дара, виляя между каплями.

Я улыбаюсь и отпускаю теней из змея обратно в лес. Несколько мгновений они шепчутся вокруг меня, точно друзья, с которыми расстанешься лишь ненадолго, а

потом исчезают. Мы с Дарой возвращаемся в дом, грозовые тучи преследуют нас. Но когда мы подходим к дому, я краем глаза замечаю белую вспышку – и замираю. Та странная девочка просто стоит там, в центре заднего сада, и капли падают на неё. Она не двигается, она смотрит на меня в упор. С того места, где она стоит, ей открывается широкий вид на лес.

Она... она следила за нами? Она видела, как мы зашли в лес, и просто ждала нас? Но зачем?

Я содрогаюсь, когда понимаю, что её губы движутся, снова и снова произнося всё те же слова. Мне не нужно слышать её, чтобы знать, что она опять повторяет прежний напев: «Я тебя знаю, я тебя знаю».

Я отворачиваюсь и стараюсь как можно скорее миновать сад, надеясь, что она не последует за нами. Как только мы заходим внутрь, мы бежим в мою комнату.

Я искренне собиралась внять маминому предупреждению, но до обеда ещё целый час, и я не могу не думать об этих таинственных гостях. Они все как та девочка? Странные и жуткие? Мне известно только то, что мои родители очень хотят произвести впечатление на этих людей.

Укрывшись темнотой так, что нас никто не видит, мы выходим из моих покоев и направляемся в гостевое крыло.

– Возможно, они сделали с ней что-то, из-за чего она стала такой, – предполагает Дара, и у меня по спине бежит холодок. Надеюсь, это не тот случай.

Разумеется, теперь я должна всё разузнать. Девочку мы не видели с тех пор, как вернулись домой. Дождь всё ещё барабанит снаружи, эхо разносится по дому. Отличное прикрытие, чтобы я могла проникнуть туда, где меня быть не должно.

Любимая игра Дары – проделки, а я больше всего люблю подслушивать, и за все эти годы я неплохо натренировалась.

Дверь в гостевое крыло слегка приоткрыта. Я, Дара и все тени, какие я только смогла собрать, жмёмся в углу у двери, чтобы занять удобный наблюдательный пункт и при этом оставаться скрытыми от чужих глаз. Я уверена: раз уж мама наказала мне вести себя прилично, родители не сказали гостям, что я умею делать, и надеются, что гости ничего не узнают.

Дара шепчет мне на ухо:

– Если эти люди действительно что-то сделали с той девочкой, твои родители захотят узнать об этом. Мы выясним, что эти гости собой представляют.

Вдохновившись её словами, я усаживаюсь в углу и жду. Стены в гостевом крыле украшены лучшими мамиными полотнами. Мне больше нравятся старые гобелены рядом с моей комнатой. В них много истории и меньше фальши. А ещё с ними удобнее играть в прятки. Сейчас перед нами просторная гостиная, где несколько обитых парчой стульев стоят вокруг низкого стола с когтистыми деревянными ножками. Нам не приходится долго ждать: из дальней комнаты выходят двое незнакомцев. Тот, что постарше – высокий, с соломенными волосами и коротко подстриженной бородой. Оба очень загорелые, а у второго глаза такие синие, что я сразу замечаю их издали. Но они садятся к нам спиной, и нам трудно разобрать, о чём они говорят. До нас доносятся только невнятные голоса и редкие смешки.

– Нужно подобраться ближе, – говорит Дара.

– Это рискованно... – шепчу я.

– Оно того стоит.

Снаружи достаточно облачно, и даже при слабом свете, сочащемся из окон, комната остаётся погружённой в таящиеся в каждом углу тени. Я вполне могу проскользнуть дальше и сформировать вокруг себя теньевую завесу. Мама и папа никогда не узнают о том, что я в гостиной. На цыпочках мы входим в полуоткрытую дверь – буквально за секунду до того, как один из мужчин жалуется на сквозняки в доме и встаёт, чтобы закрыть её. Стоя в углу, я затаиваю дыхание, сердце колотится о рёбра. Нельзя, чтобы меня заперли здесь. Мне придётся ждать, когда они отправятся на обед, чтобы уйти отсюда.

– Так-то лучше, – говорит тот, что помоложе, вернувшись на своё место. Судя по всему, он относится ко второму мужчине с большим почтением. Должно быть, это тот самый господин, которому хотят угодить мои родители. На его лице застыла неизменная усмешка, отчего невольно думается, что наш особняк не произвёл на него впечатления. Бедная мама. Она так гордится роскошными гостинными в своём доме – но похоже, что весь шёлк и парча мира не умилостивят этого господина.

– Что ты думаешь, дядя Тейт? Предчувствия не обманули леди Эшлинг? – спрашивает тот, что помладше.

Тейт вздыхает и крутит в руке бокал с тёмной жидкостью, но не пьёт из него:

– Это нам ещё предстоит узнать. Если Симона сделает своё дело, к утру всё будет ясно.

– И поэтому она ушла туда?

– Она хорошо подготовлена. – Он нюхает жидкость в бокале – и морщит нос.

– Я не знаю, как вы и леди Эшлинг это делаете, но ваша маленькая коллекция включает в себя самых благовоспитанных слуг, каких я когда-либо видел. И самых странных.

Тейт издаёт лающий смешок и ставит бокал на стол:

– Ну, Алден, это цена, которую мы готовы заплатить. И стоит отдать честь безупречной работе леди Эшлинг. Я всего лишь её слуга и посланник.

Эта беседа тревожит меня, но я не вполне понимаю почему. Странная девочка, которую я встретила, служит у них – ну и что?

– Не говоря уж о том, что вы её заместитель и лучший охотник. Она даёт вам наводку, и вы идёте по следу. Если леди Эшлинг права, Симона разнюхает, кто здесь новая добыча.

У меня волосы на затылке встают дыбом. Дара от волнения начинает раздуваться, но успокаивается, когда я прикасаюсь к ней. Я не совсем понимаю, о чём они говорят, но всё это мне определённо не нравится.

- Нужно обязательно обыскать их покои, когда они уйдут, - говорит Дара.

Предложение очень заманчивое. Папа разозлится, если я опоздаю к обеду, но я должна докопаться до сути. Чем дольше я слушаю, тем сильнее убеждаюсь, что Дара права и они что-то сделали с той девочкой. Она для них ничего не значит. Здесь что-то нечисто.

Не успеваю я подумать, где сейчас та девочка, как дверь открывается, и она входит в комнату, её волосы и платье всё ещё мокрые. Я вжимаюсь в стену, надеясь, что Дара и остальные тени смогут меня спрятать. Мне показалось, будто девочка может видеть сквозь них, но раньше я таких людей не встречала. Она продолжает бесцельно слоняться по комнате - даже после того, как молодой человек попытался с ней поздороваться.

- Симона, - резко говорит Тейт. Она вскидывает голову, пустой взгляд останавливается на нём. - Что ты узнала?

Ухмылка медленно разливается по её лицу.

- Они здесь, - говорит она.

Меня сковывает холодом. Она же не меня имеет в виду? За всё то время, что девочка была в комнате, она даже ни разу не взглянула в мою сторону.

- Не волнуйся, она сумасшедшая, - говорит Дара. Я чуть успокаиваюсь, но мои внутренности по-прежнему завязаны морским узлом.

Мужчина хмурится:

- Где?

Симона вытягивает руку и указывает прямо на меня. Тейт и его приятель переводят взгляд в ту же сторону.

Я не могу пошевелиться. Не могу даже моргнуть. Внутри у меня всё сжимается.

Маленькая девочка не сводит жутких глаз с моего угла, глядя мне прямо в глаза, словно моих теней вообще не существует.

– Я тебя знаю, – говорит она.

Пока они не накинулись на меня, я собираю все силы, какие у меня есть, и в один миг бросаю собравшиеся в комнате тени на двух мужчин и девочку. Они летят к ним – некоторые в обликах чудовищ, другие точно огромные осколки разбитого стекла, – но у всех одна цель: отвлечь.

– Беги! – шепчет Дара.

Что я и делаю.

Глава четвёртая

Стоит мне только чуть отбежать от двери, как я натыкаюсь на родителей.

– Эммелина! – вскрикивает мама. – Что, ради всего святого, ты здесь делаешь?

Я оглядываюсь назад и вижу обоих мужчин и маленькую девочку, застывших с открытыми ртами. Только у пожилого господина взгляд теперь звериный, и это мне совсем не нравится.

Внутри у меня всё переворачивается. Я попалась.

– Это ваша дочь? – спрашивает Тейт.

Папа смотрит на меня:

– Что она сделала?

- Ничего, я...

- Я не с тобой разговариваю, Эммелина, - прерывает папа.

Мой подбородок дрожит, но я стискиваю зубы и вжимаюсь в стену. Я снова расстроила их. Дара подкрадывается ко мне со спины и заключает в объятия.

- Не волнуйся, - шепчет она. - Родители простят тебя.

Простят ли? С каждым годом они всё менее и менее терпимо относятся к моей магии. В какой-то момент они стали меня стесняться и, как мне кажется, даже бояться.

Тейт делает шаг вперёд.

- У вашей дочери довольно необычный дар, - его глаза сверкают. - И я уверен, что ему можно найти лучшее применение, чем подслушивать чужие разговоры.

Я смотрю себе под ноги. Под пронизывающим взглядом пяти пар глаз мне кажется, будто меня поджаривают на костре.

- Эммелина, - говорит мама, и по её тону уже понятно, что она думает о моём поведении.

Я шаркаю туфлями по холодному каменному полу.

- Простите, - мямлю я.

Папа на меня даже не смотрит:

- Иди в свою комнату. После такого ты не будешь обедать с нами.

Я не могу удалиться мгновенно. Пока я ухожу, до меня доносятся слова Тейта:

- Мои дорогие Курт и Мелина, у меня есть к вам предложение...

Мы ждём и ждём, пока обед наверняка закончится и гости удалятся в свои покои. Потом мы с Дарой выскальзываем из комнаты. Родители уже злы на меня, но я должна знать, о каком предложении говорил Тейт.

Судя по всему, оно имеет отношение ко мне. А после его слов об охоте на меня это особенно беспокоит.

Мне несдобровать, если гости опять поймут меня за подслушиванием сразу после того, что случилось сегодня днём, но той маленькой девочки нигде не видно, поэтому заметить меня не должны. Требуется всего несколько минут и пару раз отсидеться в углу, пропуская слуг, – и вот я уже в другом крыле.

Я замираю у родительской спальни. Вскоре до моих ушей доносятся их приглушённые голоса, воздух вокруг трещит от напряжения.

– Давай послушаем, о чём они говорят, – говорит Дара своим тихим переливчатым голосом. Её тёмные очертания вытягиваются и закручиваются вокруг меня. Теперь я могу подобраться к маме и папе, и они ничегошеньки не заподозрят.

Тени сгущаются у их двери, и я прижимаюсь к стене, чтобы лучше слышать. Дара раздувается. Она всегда сходит с ума от любопытства, когда подозревает, что говорят о ней или о том, как я разговариваю с ней.

– Мы не можем сидеть сложа руки, Мелина. Её сила растёт. Скоро мы не сможем её контролировать, – говорит папа.

Мама вздыхает:

– Мы могли бы пытаться дальше. Если нам удастся уговорить её забыть о том, что она якобы может общаться с темнотой...

– Ты знаешь, что нам это не под силу. Мы столько лет пытались. И что беспокоит меня, а заодно всех наших сплетничающих слуг, так это то, что, возможно, она говорит правду. Кто знает, какие создания могут сбежаться на того, кто обладает подобной силой? Нам не хватит знаний и умений, чтобы с этим

справиться.

Дара щетинится по краям. Я ласково протягиваю к ней руку, чтобы пригладить зазубрины.

– Но стоит ли нам отсылать её? Что, если они тоже не смогут сдержать её? – Голос мамы обрывается на слове «отослать», и моё сердце вместе с ним.

Отослать меня?! Должно быть, с лордом Тейтом. Меня пробирает дрожь, как только вспоминаю, каким взглядом он смотрел на меня, когда узнал о моём даре.

Дара дымится, её тело окрашивается красным.

Какое-то время я слушаю, как папа ходит по комнате, каждый шаг звучит в такт с гулкими ударами моего сердца.

– Что нам ещё делать? Слуги в ужасе от неё. Тейт первый человек, который увидел, на что она способна, и не испугался. Более того – он предложил нам готовое решение.

Чем дольше я слушаю, тем сильнее во мне отчаяние. Я заглядываю за дверь и вижу, что мама сидит на краю кровати, а папа стоит на коленях перед ней. Он с такой силой сжимает её руки, что костяшки побелели. Дара сильнее закручивается вокруг меня – так она обнимает. Единственное утешение, которое мне доступно.

– Мелина, мы должны это сделать. Тейт вылечит её. Он поклялся. Он предоставил в качестве доказательства ребёнка, которого привёз с собой. Разве ты не видела, как хорошо она вела себя за обедом? Она беспрекословно выполняла все приказы и была тихой как мышка. От её магии не осталось и следа. Леди Эшлинг определённо нашла способ изгонять магию из человека. Во время тура по Парилле лорд Тейт нашёл несколько таких детей, и она смогла их вылечить. На какую жизнь мы обречём Эммелину, если не будем давать шанс любому случаю, который может помочь ей стать нормальной? Это шанс для всех нас, шанс освободиться от этого проклятия.

Леди Эшлинг, у которой лорд Тейт состоит на службе, вылечила ту девочку от магии?! Меня пробирает дрожь. Так вот что с ней не так, вот почему она так странно себя ведёт. Я не могу представить себя без магии. Она часть меня.

Я не выдерживаю и, даже не пытаюсь укрыться тенями, бегу дальше по коридору, Дара держится как можно ближе.

Я закрываю за собой дверь в спальню и, упав на подоконник, раздёргиваю прозрачные занавески. Звёзды приветственно мигают. Ночь приносит успокоение. Вся темнота и тени, ползущие по двору и лесу, принадлежат мне. В моей власти переплестать их и играть с ними. Мои родители хотят всё это забрать.

Дара усаживается на пол рядом со мной.

– Они ничего не понимают, – говорит она. – Они не видят, какая ты замечательная, такая, какая есть.

Я всхлипываю и обхватываю руками колени:

– Я не хочу, чтобы меня лечили. Я не хочу терять свои тени. И я не хочу терять тебя.

Дара проскальзывает на подоконник:

– Ты никогда меня не потеряешь.

Слёзы жгут мне глаза, и пейзаж за окном смазывается:

– Думаешь, это правда? Думаешь, эта леди Эшлинг действительно умеет лечить от магии?

– Нет. – Моя тень становится до непрозрачности тёмной. – Тейт просто лжец. С этой Симоной определённно что-то не в порядке.

– Как думаешь, что они с ней сделали? – Я содрогаюсь, вспомнив странный взгляд девочки.

- Ничего хорошего. Между лечением и насилием есть разница.

Не успеваю я ответить, как раздаётся стук в мою дверь, отчего я сразу же вскакиваю.

- Эммелина? Ты здесь?

- Да, папа, - говорю я, быстро схватив книгу и устроившись на первом попавшемся стуле.

Он открывает дверь и пристально смотрит на меня. В его взгляде нет ни капли сожаления. Только холодная решимость. Моё сердце уходит в пятки. Он берёт стул и садится напротив меня.

- Эммелина, тебе сделали превосходное предложение, и мы с мамой решили, что ты его примешь.

- Превосходное? Вот, значит, как? - пыхтит Дара.

- Что за предложение? - осторожно спрашиваю я, хотя прекрасно знаю ответ.

- Наш гость лорд Тейт сочувствует твоей... проблеме и хочет помочь. Он и его покровительница леди Эшлинг приняли под своё крыло в Циннии множество таких детей, как ты, и подарили им шанс на чудесную жизнь - все привилегии и образование, какие только можно пожелать.

- Конечно, именно этого все дети и хотят, - замечает Дара. Я пытаюсь подавить улыбку, но папа замечает её и истолковывает по-своему:

- Хорошо, рад, что ты улыбаешься. Завтра ты уезжаешь с ним. Мы будем по тебе скучать, но ты сможешь приезжать домой на каникулы. Я уверен, что для тебя это наилучшее решение. - Он встаёт с таким довольным видом, что это просто неприлично.

- Подожди, - я хватаю папу за руку, панический страх бурлит в моей груди. - А что, если я не хочу ехать? Я хочу остаться здесь. Я люблю это место. Здесь мой

дом, мой лес, моя семья. Мне не обязательно отправляться куда-то ещё.

Его лицо становится жёстким:

- Ты не хочешь научиться быть настоящей юной леди?

Я бледнею:

- Ну... да, конечно, но...

- Однажды ты унаследуешь это поместье. Со своей магией ты не сможешь им управлять, и слуги не останутся здесь, если будут бояться тебя. Ты должна научиться хоть как-то контролировать себя. Это для твоего же блага.

- Пожалуйста, не заставляйте меня уезжать! Я... - Я сглатываю комок в горле. - Я больше нигде не буду призывать тени - только в своей комнате и лесу. Я не буду разговаривать с Дарой, если поблизости кто-то есть. Я...

- Хватит, Эммелина. - Папа вырывает у меня руку. - Это не обсуждается. Уже случилось слишком много дурного. Когда-нибудь ты скажешь нам спасибо.

С этими словами он уходит, даже не оглянувшись посмотреть, как теперь чувствует себя его единственное дитя. Звук захлопнувшейся двери звучит для меня похоронным звоном по той жизни, которую я любила.

- Я не хочу уезжать.

Слёзы хлещут из глаз. Мне придётся оставить всё, что я люблю. Нижнюю полку шкафа, забитую тeneвыми игрушками, которые я сделала, вдохновившись персонажами из книжек. Леса, где я могу свободно бегать и играть с тенями, которые живут меж деревьев. Моя семья, мой дом - всё, что я знаю, находится здесь.

- Что мне делать?

Моя тень на мгновение вспыхивает красным, потом обвивает меня:

– Я могу помочь тебе, Эммелина. Я могу сделать так, что тебе никуда не придётся уезжать с этим человеком. Но взамен ты тоже должна пообещать помочь мне.

Надежда вспыхивает у меня в сердце. Я всегда могу положиться на Дару.

– Да! Пожалуйста! Я сделаю всё, что угодно.

Теневое пятно потемнее складывается в улыбку:

– Ты слишком хороша для них. Они тебя не заслуживают. Сегодня ночью я обо всем позабочусь. Тебе не нужно ни о чём беспокоиться.

Во мне теплится надежда.

– Мне нужно будет пробраться в гостевое крыло?

– Тебе ничего не придётся делать. Я могу вытянуться и стать тоньше струны, пока ты спишь.

– Я хочу обнять тебя, Дара. Спасибо тебе, – говорю я. – Но какой помощи ты хочешь от меня?

Дара колеблется:

– Есть кое-что, о чём я тебе никогда не рассказывала, Эммелина.

– Что ты имеешь в виду?

Тёплые щекочущие мурашки ползут по моей спине.

– Я не всегда была тенью.

У меня падает челюсть. Мне всегда было интересно, откуда Дара взялась, но она каждый раз делала вид, что не понимает моих любопытствующих намёков. Она создание, порождённое моей магией, или она существовала ещё до меня?

- Как такое возможно? - спрашиваю я.

- Когда-то я была человеком, но теперь я всего лишь потерянная душа. Я хочу снова обрести тело. Я хочу жить. И только ткач теней - такой человек, как ты, - может мне помочь. Тогда мы никогда не останемся одни и всегда сможем позаботиться друг о друге.

- Но как ты стала потерянной душой?

Моя тень раскручивается и растягивается у моих ног:

- Я не люблю вспоминать всё то, что потеряла. Особенно теперь, когда у меня есть ты.

- Прости, пожалуйста. Можешь не рассказывать, если не хочешь.

Дара молчит некоторое время, скользя вдоль пола. Но потом поворачивает назад и говорит:

- Я... я умерла в чудовищном происшествии. Всё это было мучительно, внезапно и обрекло мою потерянную душу на странствия.

- Ох, Дара, - говорю я. - Почему ты не сказала мне раньше? Знай я об этом, я бы сделала всё, что угодно, чтобы помочь тебе вновь стать самой собой.

Моя тень пожимает плечами:

- Это не так-то просто. Я не хотела быть обузой. Но эта ситуация угрожает нам обеим.

- Не глупи. Ты мой лучший друг. Что я должна сделать?

Мысль о том, что Дара обретёт плоть и кровь, станет настоящей человеческой девочкой, приводит меня в трепетный восторг, несмотря на все остальные печальные обстоятельства.

– Есть ритуал, который требует серьёзной подготовки. Его нужно совершать на пике кровавой луны – это редкое явление произойдёт во время текущего лунного цикла. Но с этим можно подождать. Сначала я позабочусь о Тейте.

– Как? – спрашиваю я, внезапно охваченная любопытством.

– Разумеется, изменю его сознание – полностью.

Я хмурюсь, опасение настойчиво лезет мне в мозг:

– Но ты же не сделаешь ему ничего плохого, правда?

– Конечно, не сделаю. Я сделаю всё, что нужно, не пролив ни капли крови и не вызвав ни одной болезненной судороги.

Дара как будто вырастает, собирая вокруг себя всё больше теней. И когда я ложусь в кровать и накрываюсь одеялом, она вытягивается за дверь и струится дальше по коридору, и вскоре я вижу только тонкую линию тьмы, привязанную к моим ногам.

Глава пятая

На следующее утро я просыпаюсь от криков. Инстинктивно тянусь к Даре, собираю вокруг себя все тени в комнате и только потом понимаю, что мне ничто не угрожает.

Крики исходят из гостевого крыла особняка. Страх щекочет мне затылок.

– Что могло случиться? – спрашиваю я вслух, и в первый раз у Дары нет ответа.

Я откидываю одеяло, быстро влезая в платье и туфли и распахиваю дверь. Теперь стоит тишина, никого из слуг не видно. Очень странно для жилой части дома в это время суток. Охваченная любопытством, я на цыпочках иду в другой конец особняка.

Толпа слуг о чём-то тихо переговаривается и ломает руки у дверей гостевых покоев. Тех, которые занимает лорд Тейт.

Ужас змеится у меня по коже. Кендра замечает меня, но сразу же опускает глаза и, хромя, отходит к стене, тусклые волосы свисают ей на лицо. Страх, которого до прошлой ночи я никогда не испытывала, распространяется по толпе, точно пожар. Слуги пятятся назад, кто-то бегом бросается в противоположный коридор. У всех на лицах написаны одни и те же эмоции: страх, подозрение, даже ненависть.

Дара обвивается вокруг моей лодыжки:

– Они глупцы. Они только и могут, что дрожать от страха перед тем, чего не понимают.

Вот почему мне нужна Дара. Она понимает меня, как никто никогда не понимал и не поймёт. Непрошенные слёзы наворачиваются на глаза.

– Ты не сделала ничего дурного. Держи голову высоко и не обращай на них внимания.

Напитавшись силой от своей тени, я делаю, как она говорит, и уверенно иду к двери, которую уже никто не охраняет. Должно быть, с лордом Тейтом что-то случилось.

– Он был в порядке, когда ты ушла? – шепчу я Даре.

– В полном.

Почему-то меня это не успокаивает в той степени, в какой бы хотелось. Я захожу в комнату и вижу своих родителей и свиту Тейта, все стоят вокруг его постели. Родители никак не комментируют моё появление, только бросают ледяные взгляды. Слуги Тейта смотрят на меня с тем же страхом и отвращением, что и мои собственные. Я чувствую весь негатив, исходящий от них горячей волной. Только та девочка, Симона, кажется, не осознаёт, что я здесь. Она стоит в шаге от кровати и неотрывно смотрит на хозяина широко раскрытыми глазами.

Он до жути неподвижен. Простыни такие гладкие, что кажется, на кровати никто и не спал. Я даже не понимаю, дышит ли он. Вчера его кожу покрывал загар, какой бывает у всех, кто живёт на благословлённой солнцем земле, а сегодня его лицо бледнее лица маленькой девочки. Доктор, стоящий у постели, что-то говорит о коме, о глубоком сне. Лорда Тейта никто не может разбудить.

А потом все посмотрели на меня.

Этим утром мне стоило остаться в своей комнате.

- Беги, - говорит Дара. На этот раз я не обращаю внимания на её слова, хотя инстинкты твердят мне то же самое: что-то подсказывает мне, что в такой ситуации это наилучший план действий.

- Эммелина, - говорит папа, - что ты сделала?

От шока меня пригвозждает к полу.

- Что?! Я ничего не делала. Этой ночью я спала в своей комнате.

- Это не одна из твоих проделок? - спрашивает мама, и подозрение сквозит в каждой чёрточке её лица.

Как они вообще могли подумать, что я способна на такое?!

- Конечно нет. Я никогда никому не делаю ничего плохого. - Вспомнив о вывихнутой лодыжке Кендры и сломанной руке последней гостьи я подавляю укор совести.

Тут вмешивается племянник Тейта Алден:

- Я видел, что ты делала вчера вечером. Мы знаем, что ты умеешь обращаться с тенями.

- И что? - Я скрещиваю руки на груди.

– Беги, Эммелина, – снова говорит Дара, на этот раз более настойчиво. Но слуги уже закрыли за мной дверь, и я слышу, как гудят их голоса с другой стороны. Далеко мне не уйти.

– Есть свидетель.

– Отлично, тогда он может сказать вам, что это не я, – отвечаю я. За моими смелыми словами скрывается внутренняя неуверенность. Должно быть, свидетель – кто-то из слуг. Станут они лгать, только чтобы досадить мне? Неужели все в этом доме обратились против меня и Дары?!

Алден зло смотрит на меня:

– Свидетель видел только длинную тень и никого поблизости, кто бы мог её отбрасывать. Он было списал всё это на игру света, но утром нашли лорда Тейта.

Ужас, точно масло, впитывается в мою кожу. Дара сказала, что сделает так, чтобы мне точно не пришлось уезжать с Тейтом... а теперь это. Но она утверждает, что с Тейтом всё было хорошо, когда она ушла. Она сказала, что только изменит его сознание, и всё-таки...

Теперь я не знаю, что и думать. Знаю только, что Дара была единственной тенью, которую я отправила в ту комнату. Если она что-то сделала, то вина на мне.

Дара устраивается у меня на плече и шепчет:

– Ты ни в чём не виновата, Эммелина. Я уже сказала тебе: они только и умеют, что ополчаться на то, чего не в состоянии понять.

Мужчина поворачивается к моему отцу:

– Нельзя допустить, чтобы она причинила вред кому-нибудь ещё. Чтобы вылечить лорда Тейта, я послал за лучшими циннийскими целителями. Но если он умрёт, она отправится вместе с нами в Циннию, где ей вынесут приговор.

Отец делает шаг вперёд, хватая меня за руку и выталкивает из комнаты обратно в коридор прежде, чем я успеваю собраться с мыслями.

Пока папа тащит меня в мои покои, слуги не утруждают себя тем, чтобы избавить меня от их косых взглядов.

– С нас с мамой хватит, – говорит папа. – Мы больше не станем терпеть твои выходки. Все эти годы мы защищали тебя, даже после того, как... – Он тяжело сглатывает, так и не закончив фразу, но я отлично знаю, что он хотел сказать.

– Я ничего не сделала лорду Тейту. Клянусь, – говорю я, но папа не обращает на меня внимания. Как только мы оказываемся у моей комнаты, он распахивает дверь и бесцеремонно швыряет меня на кровать. Дара уже стала рубиново-красной и растянулась на половину комнаты.

Папа смотрит на меня с обречённым видом:

– Это уже слишком, Эммелина. Ты и твои тени, твои странные игры... Мы лишились почти всех наших друзей после того... после того, что случилось с Розой. Под угрозой само наше положение в обществе, и это был наш шанс восстановить доброе имя. В Циннии могущественная аристократия, и у них наверняка много сильных союзников.

Я обхватываю себя руками, чтобы они не тряслись. Я понятия не имела о таком положении вещей, не говоря уж о том, что родители всё это время полагали, будто тот несчастный случай произошёл по моей вине. Это был просто несчастный случай.

– Мы просили только об одном: чтобы ты согласилась попробовать лечение. Благодаря ему мы все могли обрести лучшую жизнь, – папа качает головой. – Но ты не захотела этого сделать. Ты не могла просто поехать и рискнуть. Тебе обязательно нужно было сделать это.

– Я всё время спала в своей комнате...

Папа вскидывает голову:

– Стоп. Хватит лгать, Эммелина. Доктора не знают, что именно ты сделала – но кто ещё мог заставить войти в комнату тень, когда её некому было отбрасывать?

Хотела бы я, чтобы у меня нашёлся достойный ответ – что-нибудь, что угодно, что могло бы перечеркнуть этот чудовищный факт. Я бросаю взгляд на Дару, которая на протяжении всего разговора ведёт себя до странности тихо. Что она сделала? Неужели она слишком увлеклась? Вот так она хотела предотвратить мою поездку в Циннию? Дара верна сверх всякой меры, это я знаю. Но пошла бы она на такое? А если да, то как? Она ведь всего лишь тень.

Тысяча вопросов бомбардируют мой мозг, но ни одного ответа не приходит. Отец берёт мои руки в свои, и его лицо смягчается:

– Эммелина, если ты что-то сделала случайно и вовсе этого не хотела, скажи нам, что произошло, и, возможно, доктора найдут решение. Ты можешь всё исправить.

– Это уловка, – шепчет Дара. – Он хочет, чтобы ты призналась, что навредила лорду Тейту. Тогда они смогут выдать тебя циннийцам для наказания и избавиться от тебя навсегда. Даже лечение, которое они предлагали раньше, было лучшим вариантом, чем это.

Я не знаю, что и думать. Если я скажу папе, что отправила Дару в комнату Тейта – этим я вполне могу приговорить себя к циннийскому наказанию. Если не скажу – то получится, что я солгу. Пропасть разверзается у моих ног, и мне решать, прыгать ли на другую сторону.

Держа руки на коленях, я переплетаю пальцы, встречаюсь взглядом с отцом и качаю головой:

– Это не я.

Он выпрямляется и отпускает мои руки:

– Я полагал, что мы воспитывали тебя лучше. – Он выходит из комнаты, дверной замок громко щёлкает за ним.

Даже мне самой эти слова кажутся лживыми.

Глава шестая

Я сижу на краю кровати в звенящей тишине и не могу до конца осознать, что всё произошедшее значит для меня. Дара скользит ко мне и усаживается на покрывале из кружева цвета слоновой кости.

– Дара, что произошло, когда ты пришла к лорду Тейту сегодня ночью? – мой голос дрожит.

– Я уже говорила тебе: я изменила его сознание. Не моя вина, что оно оказалось таким слабым.

Я гляжу на неё, страх ползёт по мне, точно длинная тень. Дара всегда была рядом. Как я могу сомневаться в единственном друге?!

– Ты не можешь оставаться здесь, – говорит она, прервав мои мысли. – Ты должна бежать.

– Я не могу, – говорю я и мну в руках одеяло.

– Если останешься, будет гораздо хуже. Поверь мне, ты не хочешь испытать на себе гнев циннийцев. Они куда опаснее, чем ты думаешь, и лорд Тейт был всего лишь верхушкой айсберга.

Я хмурюсь:

– Ты так много знаешь о циннийцах? Но откуда?

Дара становится такой тёмной, что кажется чернильным пятном, разлитым на моей кровати.

– Я выросла в Циннии. Это страшное место. О да, там солнечно, и гряды зелёных холмов просто чудесны, всё так, но местные люди до костей пропитаны злом.

Меня пробирает дрожь:

– Что с тобой произошло, Дара? Я помню, ты сказала, что это был несчастный случай – но как ты стала потерянной душой?

Она медлит, как будто сомневается, стоит ли мне всё рассказывать.

– Мои родители были бедняки, и мне пришлось пойти работать, когда я была чуть старше тебя. Я училась на швею. Мне это нравилось: создавать красивые вещи из отрезков тканей. Возможно, именно поэтому я в итоге пришла к тебе. Когда ты плетёшь из теней, это напоминает мне о моём ремесле. – Дара соскальзывает с кровати обратно на пол. – Однажды в наше ателье пришла одна надменная молодая госпожа, леди Эшлинг...

Ком распухает у меня в горле:

– Леди Эшлинг?! Та самая, на которую работает лорд Тейт?!

– Да, та самая.

Я содрогаюсь.

– Визит леди Эшлинг проходил как обычно. Мы сняли с неё мерки и помогли выбрать роскошные цветные ткани и ленты из нашей большой коллекции. Но когда моя хозяйка сказала, что её огромный заказ будет выполнен только через неделю, всё пошло прахом. – Дара умолкает, её контур краснеет.

– Что случилось? – спрашиваю я, не в силах сдерживать любопытство.

– Она пришла в ярость. Визжала и бранила нас, кричала, что мы самые ленивые портные, каких она только видела. При этом металась по ателье, переворачивала коробки и разбрасывала всё, что не было приколочено к полу. Истерика была такой неистовой, что в итоге она обрушила мне на голову целый стеллаж с тяжёлыми тюками ткани. Я не смогла выжить после такого.

– А как твоя душа потерялась? – Я не могу не признать, что всё это звучит очень странно.

– Я и сама до конца не знаю. Вот тюки падают вниз – а в следующий миг я уже плыву в какой-то дымке и вижу только куски и обрывки из мира людей. С тех пор я брожу по этим землям.

– Мне очень жаль. Это так ужасно.

– Все аристократы Циннии такие же, как леди Эшлинг. Надменные, эгоистичные и жестокие. В ярости они ужасны. Мне невыносимо страшно от одной мысли, что ты тоже можешь оказаться их жертвой.

У меня перехватывает дыхание. Я понимаю, что бежать глупо, но если я останусь, будет ещё хуже. Что, если Дара права?

– Но мне здесь нравится. Я не хочу уходить из своего дома.

В этом главная загвоздка. Я не хочу никуда уходить, это та причина, из-за которой я согласилась на сделку с Дарой. Значит, я могу остаться.

Дара проводит своими прохладными теневыми пальцами по моим волосам:

– Я знаю, что тебе здесь нравится. Как и мне. Но если останешься, циннийцы всё равно заберут тебя.

Липкий холод ползёт по мне:

– Чтобы наказать меня, да?

Дара пожимает плечами:

– Может быть. А может, на этот раз родители не будут вежливо просить тебя уйти с ними. Ты слышала, что они говорили, когда не знали, что ты стоишь за дверью: они, как и слуги, считают тебя сумасшедшей. Они могут заставить тебя пройти циннийское «лечение». Ты никогда больше не сможешь играть с тенями.

Меня пробирает дрожь.

- Мне казалось, ты говорила, что позаботишься об этом.

Дара фыркает и снова соскальзывает с кровати. Как бы я ни старалась, я не могу стряхнуть колючее беспокойство и выбросить из головы лорда Тейта, бледного как смерть, который лежит сейчас в гостевых покоях. Я понижаю голос до шёпота:

- Это ты сделала такое с Тейтом? Вот что ты имела в виду, когда говорила, что всё устроишь?

Дара фыркает.

- Я сделала то, что должна была сделать.

- Значит, вот так ты изменила сознание Тейта? Ты погрузила его в кому?

Что-то холодное и твёрдое сгущается в груди, как будто моё сердце леденеет.

- Я не хотела, - Дара сдувается. - Но он будет жить, и сейчас он не сможет тебя никуда увезти.

Я тяжело сглатываю:

- Ты можешь всё исправить? Ты можешь отменить то, что сделала?

- Прости, но не могу. Будь я во плоти, возможно, смогла бы.

Дара крадётся по комнате, потом кругом возвращается к кровати, как будто прогуливается.

Несказанные слова повисают в воздухе между нами: я та, кто может вернуть её к полноценной жизни.

Я вспоминаю, как в детстве сдирала колени в лесу и как Дара гладила их бесплотными ладонями, снимая боль. Как она шептала мне на ухо успокаивающие слова, когда я с криками просыпалась от кошмаров, и никто больше не приходил, чтобы утешить меня. Долгие дни уроков в одиночестве, когда только Дара помогала мне учить буквы, потому что приходившие вереницей учителя отказывались возвращаться. Пусть мне не нравятся все эти подозрительные обстоятельства, но в глубине души я знаю, что Дара по-прежнему защищает меня, хоть и по-своему, даже сейчас. И на этот раз я кое-что могу сделать для неё взамен. Тогда мы наконец-то сможем дружить в реальной жизни, и никто не сможет нас осудить или оскорбить.

Я вытаскиваю из одеяла распустившуюся нить.

– Я никогда не была далеко от дома. Я даже никогда не покидала территорию поместья. – После того несчастного случая мама с папой никуда не хотели меня брать. – Куда мы пойдём? Что мы будем делать? А если я не смогу провести ритуал для тебя? Всё, что я умею, это плести из теней и пугать людей.

– Я покажу тебе, как проводить ритуал, а потом мы сможем вернуться, и всё опять будет хорошо. Ритуал нужно совершить в кровавое полнолуние, а оно будет примерно через неделю. Время самое подходящее. Я могу помочь тебе всё исправить – но только когда у меня будет тело. Я всегда буду заботиться о тебе, Эммелина. Уходи сегодня ночью – и ты обретёшь свободу. – Она ненадолго замолкает. – Мы обе обретём.

Я отвожу взгляд, смотрю в окно. Там светит солнце, и я моргаю. Что я должна буду сделать, чтобы провести ритуал, который подарит ей свободу?

– Я не знаю, смогу ли я это сделать.

Одно дело позволить Даре изменить сознание лорда Тейта. И совсем другое – уйти в глушь вдвоём. Здесь, дома, у нас есть повара и слуги. Но кто позаботится обо мне вдали от дома?

Почувствовав моё беспокойство, Дара обхватывает меня за плечи:

– Ты сможешь. Мы сделаем это вместе.

– А лорд Тейт? – спрашиваю я, не успев подумать, стоит ли задавать такой вопрос. Ссора с Дарой мне ничем не поможет.

– С ним всё будет хорошо – после того, как ты подаришь мне свободу. Но если ты останешься здесь, то я ничего не обещаю. Солдаты из Циннии уже на пути сюда. Они отправили в Циннию самого быстрого гонца, как только обнаружили Тейта.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю циннийцев. Если тебя сочтут виновной, тебя бросят в темницу – в хорошо освещённую, где у тебя не останется ни одной тени, – и ты будешь гнить там, пока они не решат вылечить тебя. Что тогда будет со мной? Пожалуйста, спасайся! Спаси нас обоих!

Я чувствую нотки отчаяния в её мольбе. В своей прошлой жизни она знала циннийцев. Она знает, что нам обеим грозит, и я нужна ей, чтобы мы обе могли выбраться из этой переделки.

– Беги, и мы будем свободны.

У меня голова идёт кругом от страха и сомнений, но внезапно меня наполняет предельная ясность:

– Ты права. Мы уйдём в сумерках.

С наступлением сумерек во дворе, погружённом в первые вечерние тени, появляется небольшой отряд в серебряных шлемах и ярко-зелёных плащах.

Внутри у меня всё переворачивается. Дара была права.

Моя семья не встанет на мою сторону – они отправят меня вместе с циннийцами, и я больше никогда не буду прежней. Возможно, я даже стану как та жуткая девочка, Симона. Страх сжимает мне грудь, становится трудно дышать.

– Мы должны поспешить, – торопит Дара.

К сожалению, моя дверь по-прежнему заперта, хотя сегодня днём я изо всех сил пыталась открыть замок. Я собираю все тени в комнате и вью из них длинную верёвку. Бесшумно открываю окно и привязываю тeneвую верёвку к ножке кровати. Потом медленно спускаю её вниз вдоль стены. Конечно, кто-то из солдат зашёл внутрь, но те, что остались на улице, бродят между палаток, рассыпью раскинувшихся на нашей задней лужайке. Чтобы добраться до леса, мне придётся пройти мимо них. Мне помогут тени.

Но сначала нужно добыть еду. Я и дня не проживу, если сейчас не наведаюсь на кухню. Я опускаюсь на пол, нервничаю, но всего лишь несколько мгновений. Раньше я никогда не просила теней держать меня, и сейчас с радостью вижу, что они выдерживают мой вес. Я быстро спускаюсь по верёвке и приземляюсь в тени маленького куста, одного из тех, что посажены по краям двора. За моей спиной вздымается белая, точно кость, стена дома. Я опускаюсь на корточки, Дара тоже. Я расплетаю тeneвую верёвку, а потом обматываю себя тенями, чтобы получился плащ. Затем на цыпочках крадусь вдоль стены особняка, держась к ней как можно ближе, и наконец добираюсь до служебного входа в кухню.

Я проскальзываю внутрь и затаиваю дыхание, когда за нами закрывается дверь. Я считаю до десяти – просто чтобы успокоиться. Не слышно никаких криков, никто из слуг не выследил меня здесь. Сейчас время ужина, повар и слуги должны быть заняты: носят еду в обеденный зал. Наверное, теперь, с новоприбывшими гостями, они заняты ещё больше, чем обычно.

– Если сейчас время ужина, они скоро узнают, что ты сбежала, – говорит Дара.

Да, она права. Слуги принесут обед мне в комнату. А меня там нет, чтобы ответить на стук. В любую секунду может подняться тревога.

Я ныряю в кухню и хватаю брошенный поблизости пустой мешок из-под муки и кладу в него столько фруктов, хлеба и вяленого мяса, сколько смогу унести. Даже закидываю парочку моих любимых пирожных.

– Не забудь про воду, – напоминает Дара, когда я уже собираюсь уходить.

Порыскав немного по кухне, я нахожу в шкафу флягу. Её я тоже забрасываю в мешок и взваливаю его себе на плечо. Хотела бы я, чтобы это была настоящая

сумка, но у меня её нет, раньше она мне никогда не требовалась. Сейчас сойдёт и мешок.

Мы выскользываем обратно наружу, и я осторожно крадусь вдоль стены дома, которая обращена к лесу. Лужайка кажется непомерно огромной, со всеми этими палатками и гвардейцами, которые стоят между мной и деревьями. Я прячусь за куст и снова призываю тени к себе.

И тогда я начинаю плести. Тени, отозвавшиеся на мой зов, переплетаются друг с другом, воплощая образ, который я держу у себя в голове. Один поворот запястья – и они встают в стойку, точно моя личная армия, ожидающая приказа.

Поначалу гвардейцы на посту видят только одну движущуюся тень – возможно, её просто отбрасывает колышущееся на ночном ветру дерево. Но затем на краю двора дёргается другая тень, огорошив рядом стоящего солдата. Ещё одна шевелится, точно шуршащий куст, хотя никакого куста рядом нет. Гвардеец вскрикивает и идёт вперёд, чтобы разобраться.

Мои шепчущиеся тени окружают импровизированный лагерь. Солдаты обмениваются беспокойными, насторожёнными взглядами, но не понимают, в чём дело. Никто не обращает внимания на ещё одну тень, перебегающую через лужайку, тем более что плащ, который я сплела, идеально растворяется в вечерней темноте.

Едва дыша, я добегаю до деревьев и бросаю последний долгий взгляд на свой дом. Затем я шагаю в лес, и тени поглощают меня целиком.

Глава седьмая

Мы бежим сквозь лес и тьму, и тени высоких деревьев шелестящим коконом окружают нас в знак приветствия. Дара цепляется за меня, скрывая от чужого взгляда – на тот случай, если кто-то бродит по лесу после наступления сумерек.

Когда в особняке наконец узнают о моём побеге и поднимается крик, до нас доносятся только отдалённые отзвуки.

– У них лошади, они могут нагнать нас, если мы остановимся, – говорит Дара.

Меня пробирает дрожь. Я не люблю лошадей. Или, скорее, они меня не любят. Как-то раз я, будучи ещё маленькой, рискнула зайти в конюшню – так наши кобылы и жеребцы взревели и взбесились. Меня тут же увели, хотя я до сих пор не знаю, о ком тогда больше беспокоились – обо мне или о лошадях.

Мама сказала, что они испугались моей магии. Они чуют её во мне точно так же, как чуют страх или яблоко, спрятанное в кармане.

Мы не останавливаемся, тени деревьев удлиняются и обвиваются вокруг меня. Издалека доносится топот копыт и треск ломающихся веток, что только подгоняет меня.

– Мы их опередим. Я знаю.

Я не понимаю, почему Дара так в этом уверена, но у меня нет выбора – только довериться ей. Вскоре моё дыхание становится прерывистым, а ноги начинают ныть.

– Я не могу. Придётся остановиться.

– Ещё совсем чуть-чуть. Густой лес скоро кончится.

С кряхтением я переставляю ноги, одну за другой. Сожаление затапливает мои лёгкие. Бежать без оглядки совсем не весело, и я не могу не думать о том, что сейчас я могла бы быть дома, в своей комнате, в безопасности.

Лунный свет озаряет впереди границу леса. Но сразу за последним деревом я резко останавливаюсь, обхватив рукой тёмный ствол и тяжело дыша.

Перед нами разверзлась огромная трещина в земле. Расщелина. Моста поблизости не видно. Мы определённо забрались дальше, чем я когда-либо осмеливалась заходить.

– Мы в ловушке, – шепчу я и спиной чувствую, как Дара разливается в улыбке:

– Вовсе нет. Всё идеально. Если они погонятся за нами досюда, им придётся неизвестно сколько миль идти в обход, чтобы найти мост.

Я начинаю понимать, и от волнения кровь приливает к щекам:

– Но я могу сделать свой собственный. Теневая верёвка меня выдержала. Должен выдержать и теневой мост.

– Выдержит, поверь мне.

Одно дело – спуститься по теневой верёвке на этаж ниже; и совсем другое – шагать прямо по воздуху над невероятно глубокой пропастью. Отдалённый стук копыт хлещет меня по ушам. И мои руки внезапно становятся липкими.

У меня нет выбора.

С помощью магии я захватываю ближайшие тени высоких деревьев и выкладываю их над расщелиной словно длинные плоские доски. Они касаются противоположного края и держатся на месте именно так, как я их направляю. Вскоре появляется всё больше теневых досок, а плетёные дымчатые верёвки держат их вместе и закрепляются на деревьях по обе стороны пропасти, чтобы получились перила.

Звуки погони приближаются. Во рту становится ощутимо горько, когда я гляжу на свою работу.

– Мы пойдём вместе, – говорит Дара.

Я проглатываю страх и одной ногой ступаю на теневой мост. Он меня держит. Потом второй ногой. Руками я цепляюсь за теневые перила. Голова кружится: частью от радостного волнения, частью от ужаса, и картинка перед глазами немного плывёт.

Одна нога, потом другая. Смотреть только вперёд.

На полпути через расщелину помимо топота копыт я слышу громкие голоса. Сердце замирает в груди.

– Иди! – торопит Дара, и я совершаю ошибку – смотрю вниз.

Всё тело мгновенно каменеет. Глубина невероятная. Далеко внизу по камням и упавшим брёвнам бежит вода; пеннистая лента, сверкающая в лунном свете.

Дара вопит мне прямо в ухо:

– Эммелина! Они идут!

Я закрываю глаза, чтобы не видеть бездны и успокоить колотящийся пульс. И затем сломя голову пробегаю остаток моста. На другой стороне я спотыкаюсь и падаю на колени в траву.

Топот копыт становится всё громче, смешивается с ржанием лошадей. Взмахом руки я разбиваю на части мост и отправляю ночные тени обратно на свои места.

– Спасибо вам, – шепчу я разлетающимся теням и бегу под кров леса на этой стороне расщелины. Я прячусь за деревом и восстанавливаю дыхание. Топот копыт становится невыносимо громким – и вдруг резко смолкает. Мы с Дарой осторожно выглядываем из-за дерева, чтобы понять, понимают ли наши преследователи, куда мы делись.

– Их так много, – говорит Дара.

И правда. Зелёные плащи гвардейцев хорошо видны даже в ночи, они движутся по траекториям, понятным только их ходящим кругами лошадям.

– Смотри! – смеётся Дара. – Они не знают, как перейти расщелину. Они уходят обратно в лес!

Одно удовольствие смотреть, как гвардейцы разворачивают лошадей и едут дальше вдоль края расщелины. Камень падает у меня с плеч, и я издаю слабый смешок, который лопаётся внутри от страха, что я себя выдам.

– Они, наверное, решили, что обогнали нас.

– Значит, пока мы в безопасности. – Дара обхватывает меня за плечи, и я утопаю в родных объятиях. – Нам нужно пройти чуть дальше. Там ты сможешь отдохнуть.

Я спешу вперёд через лес. Луна светит высоко над нашими головами, и мои любимые светлячки мерцают вокруг, точно звёзды, спустившиеся с небес. Не будь я так измотана, я бы покружила в зарослях папоротника, густо растущих у подножия деревьев. Но здесь нет троп, по которым можно пройти, и нет знакомой дороги, которая повела бы нас вперёд. От одной этой мысли я чувствую себя слабой и потерянной.

Добравшись до скопления камней насыщенно-чёрного цвета, я наконец останавливаюсь. Сегодня ночью мои ноги меня дальше не унесут. Я кутаюсь в тени и ложусь между камней на подстилку из хвойных иголок.

– Дара, как ты выглядела при жизни?

– Я едва помню. Я владела магией перевоплощения, поэтому редко была в своём истинном обличье. И это было так давно, что мне трудно что-то добавить. Циннийцы забрали у меня слишком многое.

Интересно, сколько ей было лет, какого цвета были её глаза и волосы? Она была хорошенькой, всеми любимой? Сколько людей оплакали её?

– Думаю, мы всё узнаем, – говорит Дара. – Когда ты проведёшь ритуал и вернёшь меня к жизни.

Улыбка играет у меня на губах. Дара скоро станет настоящей: только эта мысль и радует меня после побега. Мой лучший друг обретёт плоть и кровь и сможет по-настоящему участвовать в наших играх.

– Жду не дождусь, – говорю я.

Я начинаю засыпать, Дара сворачивается у меня под головой, словно подушка, и шепчет мне на ухо сказки, пока я окончательно не проваливаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь при свете нового дня, у меня болит всё тело. Мне ещё ни разу не приходилось бегать так далеко и так быстро. Помимо боли в конечностях мне ещё ужасно сдавливает грудь.

Я понятия не имею, где мы. Мы далеко от поместья моих родителей и от деревьев, с которыми я подружилась. Тут есть дубы и сосны, но у одних деревьев кора белого цвета, а у других – насыщенного красновато-лилового. Я узнаю папоротники, но здесь растёт множество других растений, которые я вижу впервые. Всё такое незнакомое. Я даже не подозревала о существовании ущелья, которое мы пересекли вчера.

Слёзы отчаяния наворачиваются на глаза, когда я начинаю рыться в мешке с провизией. Я умираю от жажды и в один присест осушаю всю флягу, хотя Дара и говорит мне этого не делать. Я надкусываю один из пирожков, который захватила с кухни. Корочка сыпучая и сладкая, и от этого вкуса меня охватывает сильнейшая тоска по дому. Там жизнь была простой и лёгкой. Мне не приходилось беспокоиться о еде, воде и всём остальном. Я могла играть со своими тенями и не думать о насущных потребностях.

Интересно, тени в лесу и в углах особняка скучают по мне так же сильно, как я по ним?

– Пора идти дальше, – говорит Дара.

– Сначала нужно найти воду.

За камнями дорога уходит вниз. Возможно, впереди течёт река, которую ночью мы видели под тeneвым мостом.

– Тебе следовало пить медленнее, – говорит Дара, растекаясь по земле рядом со мной.

– Я буду пить сколько захочу, – огрызаюсь я и встаю на ноги. Я не хочу её обижать, но сейчас ничего не могу с собой поделаться.

Дара замолкает, теперь она светлее, чем обычно. Игра света? Или она тоже злится на меня?

– Надо отыскать речку, которая течёт через ущелье. У нас нет никакого чёткого маршрута – что случится, если мы сделаем небольшой крюк?

На это моей тени нечего ответить, но она становится меньше, как будто после такого ей даже не хочется меня касаться. У меня внутри что-то переворачивается.

Я собираю свои вещи, распрямляюсь и иду туда, где, как мне кажется, должна быть река. Мои ноющие мышцы протестуют при каждом шаге. Если я уйду достаточно далеко, то наверняка найду хоть какую-нибудь воду. Я надеюсь.

Насколько я могу судить, мы всё ещё на земле, принадлежащей моей семье, в Парилле. Если верить книгам, на территории их поместья должно быть несколько разрозненных деревень, а дальше будет граница с чужими владениями, Аббачо. Цинния находится по другую сторону от Париллы. Иными словами, каждый шаг должен уводить меня всё дальше и дальше от преследователей.

Камни, между которыми я спала этой ночью, лежали на вершине крутого холма. Путь вниз оказался не таким лёгким, как я рассчитывала. Кое-где спуск такой крутой, что мне приходится идти долгим окружным путём, чтобы найти более пологий склон. Местным деревьям, кажется, это никак не мешает. Наоборот, они растут на склоне холма, отчего издали он кажется похожим на многорукое чудовище.

Солнце скользит по небу, и жажда вместе с болью в желудке становится всё сильнее. Скрипя зубами, мне приходится признать, что Дара была права. Нужно было пить медленнее. Она по-прежнему не говорит ни слова и скользит в нескольких футах позади меня на тонкой теневой нити, точно шарик на верёвочке.

Здесь, в лесу, довольно одиноко, не с кем поговорить.

А птицы радостно щебечут, и странные маленькие существа снуют в лесной подстилке. Холм порос бархатными папоротниками высотой мне почти по пояс, и я провожу руками по верхушкам, когда прохожу мимо.

Внезапно слышится новый звук. Что-то громкое и гремящее, но нарастающее так постепенно, что я почти добираюсь до его источника, когда понимаю, откуда идёт звук.

Я выхожу к новому крутому склону, и открывающийся с него вид вселяет надежду. Внизу бежит река, бурная и чистая. Только от одного её вида у меня во рту всё пересыхает от жажды.

Я многое могу сделать из теней, но никакое, даже самое сильное, желание не поможет мне создать из них настоящую питьевую воду.

Тени ближайших деревьев охотно отзываются на мой призыв, вместе с небольшими тенями папоротников на тонких стеблях и остальными, ползущими вниз по холму. Я скатываю их вместе, и в воздухе повисает шарик. Я делаю его тоньше, чтобы получилось широкое плоское блюдо с бортами. Закончив, я выбираю удобное место, где между мной и берегом реки поменьше деревьев, кладу свои теневые санки на землю так близко к крутому склону, как только осмеливаюсь, и сажусь в них, привязав к поясу мешок из-под муки. И затем отталкиваюсь.

Поначалу я просто съезжаю с холма, ветер свистит в волосах, и восторг переполняет меня:

– Дара! Смотри, как быстро мы едем!

Она не отвечает, всё ещё висит за моей спиной и дуется на меня.

Но когда теневые санки врезаются в скалу и, кренясь, несут меня прямо на большое дерево, страх сжимает мои внутренности. В отчаянии я пытаюсь направить санки в другую сторону, но вместо этого они только закручиваются.

И внезапно меня подкидывает в воздух.

Мелькают нижние ветки папоротников, ломающиеся палочки и листья – вот и всё, что я вижу, когда кубарем лечу вниз с холма. Я приземляюсь на поросший травой берег и успеваю схватиться за небольшое деревце прежде, чем рухнуть в воду.

Что-то свистит у меня над головой, и я пригибаюсь. Едва дыша, я широко раскрытыми глазами смотрю, как мои санки падают в воду и тени рассыпаются на волнах.

У меня сердце уходит в пятки. Ведь там могла бы быть я, если бы не выпала мгновением ранее.

Река бурлит вокруг торчащих над водой камней и плюётся пеной на берег. Трава здесь зелёная и прохладная, и только она в этом месте несёт на себе отпечаток умиротворения.

– Дара? – слабым голосом зову я, обхватив руками колени. – Пожалуйста, поговори со мной. Ты мне нужна. Не оставляй меня одну.

Теневые руки обвивают моё дрожащее тело:

– Всё хорошо. Ты в порядке. Думаю только, что тебе не стоит больше так делать.

Сдавленный смешок вылетает из моего рта.

– Больше и не буду, – вздыхаю я. – Но мне действительно нужна вода.

Я даже горжусь тем, что после такого спуска мне удалось не потерять мешок из-под муки. Не знаю, что бы я делала, если бы потеряла еду.

Я выплёвываю песок, набившийся в горло, и вытаскиваю флягу. От края реки меня отделяют всего несколько футов, но поток стремительный и бурлящий. Самое большое скопление воды, которое мне ранее приходилось видеть – пруд в лесу в поместье родителей, и он гладкий, как оконное стекло.

Я подхожу ближе, с опаской глядя на камни в воде, все мышцы напряжены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/konnolli_marsi-keyt/tkachiha-teney

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)